

Василий Бобырь

КОСМИЧЕСКИЕ
РАССЛЕДОВАТЕЛИ

Василий Бобырь

Космические расследователи

«Автор»

2026

Бобырь В.

Космические расследователи / В. Бобырь — «Автор», 2026

Сборник представлен тремя рассказами. Гибель цивилизации. Экипаж космического крейсера сталкивается с армадой молчаливо дрейфующих загадочных кораблей. Неутомимые расследователи приступают к работе. Рассказ сочетает научную фантастику, юмор и философские размышления о судьбе цивилизаций. Подмена Три года назад малый корабль МК7 «ROSE» исчез в бездне космоса. Теперь он найден — с единственным живым пилотом на борту, чудом пережившим столкновение с астероидом. На первый взгляд — трагическая страница истории цивилизации, одна из многих. Но наши расследователи видят в этом происшествии нечто большее. Клариса В заброшенной звёздной системе MX 1275L, на планете RK 43 скрываются тайные сделки, интриги и предчувствие грядущей беды. Советник Питерсон и его талантливые расследователи пытаются разгадать тревожное предчувствие, связанное с этой планетой. Изображения — результат моего художественного замысла, реализованного в диалоге с AI помощником Microsoft Copilot.

© Бобырь В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Гибель цивилизации	5
Подмена	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Василий Бобырь

Космические расследователи

Гибель цивилизации

Остальное - ничто, в сравнении с постоянством вечности.

Авторство не определено

Армада из десяти огромных космических кораблей дрейфовала во вселенной. Их двигатели не работали, защитное поле было отключено. Космический дозорный крейсер пытался связаться по всем линиям подпространственной связи, но не получал ответа. Первый эмоциональный всплеск капитана крейсера, вызванный появлением громадных кораблей неизвестной цивилизации, и, который с натяжкой можно было посчитать испугом, прошёл, уступив место сосредоточенному размышлению.

— Срочно организовать связь с командующим! — коротко распорядился капитан и добавил: — Защитное поле крейсера не снимать, команда «Боевая тревога» остаётся в силе.

Он знал, что экипаж на своих местах, согласно боевому расчёту, понимал напряжённость ситуации. Если бой состоится — шансы выжить нулевые. Но сейчас важно было передать информацию.

— Капитан, что у вас? — раздался спокойный голос командующего эскадры. — Насколько опасно?

Ну как объяснить космическому волку, коим и был командующий, что весь экипаж слегка перепуган, а их капитан постоянно грезит туалетом?

— В пределах нормы, командующий! — доложил капитан и, зная, что повторяет уже имеющуюся информацию, всё же произнёс: — Десять больших кораблей неизвестной конструкции находятся в дрейфующем положении, признаков жизнеобеспечения самого корабля и команды не обнаружено.

— Какие будут предложения? — так же спокойно поинтересовался командующий.

— До подхода флагмана предлагаю обследовать ближний корабль и собрать необходимые материалы для оценки его состояния.

— Выполняйте, капитан! — согласился начальник. — На постоянной связи будет мой помощник.

По окончании связи капитан вызвал в свою каюту офицеров Смоллит и Куттвила.

Старший офицер Смоллит была микробиологом и классным химиком одновременно. Так уж случилось, что родители требовали от дочери продолжения их пути, а сама девочка с детских лет бредила химией. И если по микробиологии она имела докторскую степень, то по химии была «для галочки» магистром, но фактически далеко обогнала коллег. Будучи глубоко талантливым специалистом, ей пришлось сосуществовать с другим не менее талантливым человеком — офицером Куттвилем. Ему предрекали карьеру великого учёного, специалиста космической инженерии, но Куттвил с детства бредил полётами, куда и подался, получив дополнительно специальность инженера-бортмеханика. Они одновременно не понравились друг другу, хотя и отдавали дань уважения специфическим знаниям. Смоллит была на полголовы выше Куттвила, симпатична, обладала прекрасным чувством юмора, иногда уходящего в сторону язвительного унижения. Напротив, бортмеханик был полненьким грубоватым простаком, что полностью не соответствовало его внутреннему наполнению. Но на удивление, совместная их работа приводила к прекрасным результатам, благодаря чему капитану завидовали все коллеги космического флота. Вот и сейчас они стояли перед ним, стараясь отдалиться как можно дальше друг от друга. Просто дети, честное слово.

— Догадайтесь, Куттвил, для чего я вас вызвал? — спросил капитан. — И вы, Смоллит, заодно подумайте!

Подчинённые искусственно и почти одновременно глубоко вздохнули.

— Опять хотите бросить нас двоих в очередную авантюру, капитан? — не по уставу спросил Куттвил.

— Капитан, я подам рапорт о переводе! — веско обозначила себя Смоллит. — Зачем мне начальник, устраивающий петушинные бои среди своих подчинённых?

Капитан усмехнулся. Ему нравились эти полуштатские умники, их реакция, но самое главное — блестящий аналитический ум.

— А теперь отставим нытьё и выскажемся по-деловому! — усилил голос командир.

Подчинённые несколько приосанились, но только в угоду рамкам приличия.

— Что ж тут сложного, капитан! — серьёзно ответил Куттвил. — Хотите, чтобы мы вскрыли ближайшую консервную банку и разобрались с содержимым.

— И чтобы я изучила всё то, что было раньше живым! — добавила Смоллит.

— Ребята, я горжусь вами! — рассмеялся капитан. — Давно не встречал таких умных на корабле.

Подчинённые вежливо обозначили улыбки. Не уважать капитана на его же корабле — плохая примета.

— Ну и с чего начнём? — изобразил интерес начальник.

— Не с чего, капитан, а с кого? — задумалась лишь на секунду Смоллит. — С Куттвила, пожалуйста, а я пойду готовить оборудование.

Мужчины молча наблюдали за уходящим микробиологом.

— Так с чего начнём, старший офицер? — улыбнулся капитан. — Излагайте!

Крейсер на малом ходу подошёл к чужому космическому кораблю и стыковочными приспособлениями прикрепился по левому борту. Высокочувствительные сканеры подтвердили отсутствие движения, нагрева или другого излучения внутри корабля. Он был холоден и мёртв. Было уточнено расположение отсеков. Из шлюзовой камеры крейсера было выполнено отверстие в обшивке космического корабля и запущены умные малые дроны. Одни показывали картинку, другие исследовали химический состав в отсеках, третьи облетали внутреннюю поверхность в поиске биологических структур, четвёртые... Современная цивилизация позволяла крейсеру самостоятельно выполнять огромный спектр исследований.

Старший офицер Куттвил сутками анализировал получаемые данные. Всё говорило о том, что живых организмов нет, системы жизнеобеспечения корабля отключены, как, впрочем, и защита. Пришла пора посетить чужой мир, посмотреть лично. Нужно обрадовать коллегу — люблю приносить хорошие новости. Куттвил сразу направился к Смоллит, не смог удержаться.

Он нашёл микробиолога в кают-компании. Старший офицер сидела за столиком, пила кофе и просматривала последний отчёт, подготовленный командой Куттвила.

— Сударыня! Наше первичное обследование чужой лоханки закончено. На первый взгляд — все умерли: от экипажа до искусственного разума. Тишина и покой! Теперь наш совместный выход.

Смоллит улыбнулась:

— Вы зайдёте первым, коллега! Если вам не повезёт, то за трос, привязанный к вашему поясу, мы сможем притащить на крейсер всё то, что останется от доблестного старшего офицера. Возможно, ради вас я даже всплакну для приличия.

— Не могу ответить аналогичной колкостью! — радостно поддержал тему Куттвил. — Хотя в гробу, покидающим крейсер, вы бы выглядели куда привлекательнее меня. Подумайте на досуге!

Уходя, старший офицер инженер-бортмеханик добавил:

— Завтра начинаем с девяти часов. Постарайтесь прийти вовремя и оденьте ту красную кофточку, при виде которой в первый раз парализовало самого капитана.

Куттвил сразу развил приличную скорость, чтобы не услышать ответ Смоллит. Уж больно порой она жалила!

К десяти часам в корпусе чужого корабля был вырезан овальный фрагмент, достаточный для прохода человека и небольшой лабораторной установки любого типа. Старший офицер Смоллит подошла в конце подготовки прохода, и было непонятно, откуда она черпает информацию. Или это обычная женская интуиция? На ней был скафандр синего цвета, последней модели из поступивших недавно и ещё не розданных. Женщина-загадка!

Куттвил использовал проверенный скафандр старого образца. Он всегда доверял проверенному годами оборудованию, и это не раз спасало его жизнь. А ведь он никогда не был рискованным парнем. Любопытным — да! Пытливым — есть такое! Но необдуманные опасности ему претили. Он знаком пригласил пройти вперёд даму, а когда та показала неприличный жест, вздохнул и шагнул в проём сам. В одиночку!

Первое впечатление было простым — Господи, почему так низко? Высота помещений составляла всего два метра, и это было удивительно. И странно! Не приметив вокруг опасностей, Куттвил произнёс:

— Дамы, на вход! Только пригнитесь.

Он понимал, что рост микробиолога не превышал одного метра девяноста сантиметров, но не поддаться не мог. Да и не хотел! Это составляло некую изюминку в порой беспросветно скучной жизни.

— Да, пожалуй, низковато! — не захотела отвечать на колкость Смоллит. — Ну пойдёмте.

Они пропустили вперёд специалистов-техников и их моторобота со спецоборудованием для открывания любых преград между шлюзами и переборками. Первым делом их интересовал капитанский мостик и главный пульт управления, а также зал ИРа — искусственного разума, управляющего кораблём.

Корабль изнутри был огромен, но низкие своды оттеняли величие, что, впрочем, не отражалось на долгом пути исследователей. По пути движения им попалась огромная комната, закрытая на весьма странный замок, конструкция которого даже не поддавалась описанию. Нечто большое и круглое, лишённое надписей, насечек или магнитных считывателей. Решили резать обычным способом. Пока техники занимались рутинной работой, два старших офицера с помощью мощных фонарей пытались разыскать знаки или надписи на стенах. Ничего! Это было по меньшей мере странно — нет простых обозначений, имеющих даже в допотопных средствах передвижения или в древних пещерах.

— Старший офицер! Подойдите сюда, — услышали одновременно Куттвил и Смоллит.

Понятно, что техники звали своего прямого начальника, но это не имело значения. Они вдвоём быстро вернулись к комнате. Овальный фрагмент такого же размера, как на входе в корабль, но раз в пять тоньше. Куттвил заглянул внутрь и ошеломлён. Затем отважился и зашёл.

— Смоллит, идите сюда! — услышала микробиолог его взволнованный голос. — У вас появилась увлекательная работа.

Это была огромная общая криокамера, в которой находились миллиарды небольших существ, весьма похожих на шмелей. Шесть лапок, зачатки крылышек. Они размещались просто насыпом, друг на друге. И все были мертвы. Энергетическая установка криокамеры давно прекратила функционировать, возможно, некая программа подала инертный газ, и тела не подверглись гниению до прихода космического холода. Старший офицер Смоллит отобрала в специальное устройство с десятков этих удивительных существ, и исследователи продолжили свой путь.

Им удалось разыскать капитанский мостик, он же, возможно, и каюта. Помещение было пустым, не считая наличия крохотного устройства. Было принято считать найденный гаджет умным, и его решили доставить на крейсер. На этом старшие офицеры Смоллит и Куттвил завершили обход корабля и вернулись к себе — у каждого было над чем поработать.

Расставались коллеги, как всегда, дружелюбно. Бортинженер учтиво поклонился и вздохнул:

— Вы не представляете, Смоллит, тот объём работы, который мне, бедному технику, предстоит сделать. Это вам не пригоршня дохлых шмелей в кармане.

На что микробиолог холодным тоном ответила:

— Ну не всем же на этом корабле гайки грызть, некоторым порой необходима высшая наука!

— Наверное, уела! — чуть слышно сказал сам себе Куттвил. — И вам всего хорошего!

Помощник командующего хорошо знал капитана крейсера. Можно даже отметить, что они находились в дружественных отношениях. Поэтому доклад по ситуации с неизвестными кораблями был начат без предисловий.

— На каком мы сейчас уровне изучения, капитан? — спросил помощник.

Капитан улыбнулся:

— Докладываю! Вскрыли ближайшую консервную банку. Нашли пассажиров и команду — маленьких таких умных шмелей. Их там миллиарды! Крюкамера общая, забита битком. Энергия кончилась, все умерли! Сегодня забрали с собой странный гаджет. Хотя у шмелей, по определению, он и не должен быть иным. Микробиолог взял образцы покойников для тщательного изучения. Завтра начнём изучать двигатели и системы вооружения. А зачем я это излагаю, если отчёт давно лежит у вас на столе?

Помощник командующего рассмеялся:

— Мой друг! Здесь порой так скучно, что беседа с вами просто увлекательное шоу: с инопланетянами, их могучими кораблями и вашей несравненной парочкой. Как там они, кстати?

— Работают рука об руку, помощник! — усмехнулся капитан. — Одновременно покусывая.

— Итак, приступим к делу! — стал серьёзнее помощник командующего. — Приказ командующего: двигатель корабля демонтировать, вооружение снять. Всё передать на флагман для тщательного изучения. К вам направляются три бригады техников в помощь.

И посмотрев в глаза приятеля, добавил:

— Наша главная задача — поиск планеты, которая может нас приютить! Простаивать — смерти подобно. Ваша же задача — узнать, куда летели и зачем! Конец связи!

Микробиолог Смоллит с увлечением работала. Вскрыв одно из тел инопланетянина, она исследовала внутренности под микроскопом, постоянно отмечая результаты в лабораторном журнале. Затем вскрыла голову насекомому, а то, что это существо относится к роду перепончатокрылых, не вызвало никаких сомнений. Мозг существа был весьма сложной конструкции и занимал почти весь объём головы. Дальнейшие исследования показали, что геном инопланетянина на восемьдесят семь процентов идентичен планетному шмелю. Но пришелец не мог летать — возможно, эволюция посчитала это излишним. Смоллит продолжала своё исследование, забыв о времени и пище. Она была фанатично предана своей профессии.

Старший офицер Куттвил также не пас задних. Его умельцы, казалось, делали невозможное, разбираясь с маленьким гаджетом. Изучению подвергалось всё: принцип работы, программное обеспечение, коммуникационные составляющие. Мощные логистические анализаторы, системы восстановления данных и даже новое поколение осциллографов — всё это использовалось в исследовании прибора инопланетян.

Вечером, в конце рабочего дня, старшие офицеры сидели в каюте капитана и делились полученными результатами.

— Капитан, если позволите, я начну! — взяла слово микробиолог Смоллит. — Всё очень просто!

В этот момент она победно взглянула на Куттвила. Тот показал коллеге язык. Смоллит продолжила:

— Инопланетные особи весьма схожи на обычных шмелей, имеющих латинское название *Bombus*. Необыкновенно развит мозг — такого в моей практике не наблюдалось, да и у коллег также. Есть также весьма странный внутренний орган, назначение которого мне не ведомо. Несколько особей готовы были... как это правильнее выразиться, раздвоиться! У них началось формирование двух идентичных тел, и, похоже, этот странный внутренний орган руководил процессом. Во всяком случае, все нейронные сети внутри насекомого переключились с мозга на него. В остальном вырисовывается такая картина: у себя на планете, в результате странных геотермальных или экологических процессов остался лишь один доминирующий вид. Эволюция привела его на высшую безальтернативную ступень. В некоторых образцах найдены следы лишь растительной пищи.

Микробиолог сделала паузу. Ей сразу воспользовался капитан:

— А что у вас, Куттвил? Что можете добавить к особенностям популяции шмелей?

Старший офицер-бортмеханик не был столь оптимистичен:

— Несмотря на огромную работу, которую провели буквально за сутки, мы не открыли ни одной двери. Выражаясь фигурально, конечно! Подобранный нами гаджет не включается, принцип действия неизвестен. Мои специалисты доведены до истерики!

Куттвил замолчал, разглядывая свои пальцы рук. Их было десять, и все они имели лишь условную автономность.

— Уважаемый вы наш «гайкогрыз»! — томно обратилась к коллеге Смоллит. — Вам известна температура шмеля в нашем мире?

Вопрос вначале поставил бортмеханика в тупик, а затем даже разозлил:

— Может, вы будете сами разбираться с вашими маленькими гениями, Смоллит?

Капитан внимательно вслушивался в разговор и не мешал.

— Порядка сорока градусов, естественно по Цельсию! — не замечая раздражения партнёра, произнесла микробиолог. — Нагрейте этот «свой» гаджет!

— И это поможет? — удивился Куттвил.

— Во всяком случае, будет чем заняться вашей шайке бездельников.

Капитан прикрыл лицо руками, и было непонятно, сердится ли он, смеётся, либо тоскует.

— Ладно! — спокойно заметил командир, убирая руки. — Нам отпущены всего три дня на исследования. Остальное доделывать будем в пути. Главная задача: узнать, куда летели и почему. Какие будут предложения?

— Нам необходимо дольше исследовать корабль, — убеждённо заявил Куттвил. — Два дня!

— Мы должны ещё наведаться туда! — сказала Смоллит. — Если и есть ответ, то он там!

Капитан, улыбаясь, некоторое время рассматривал своих лучших специалистов:

— У вас, коллеги, два дня! Потом соберёмся, подытожим и с предложениями выйдем на руководство эскадрой. У меня всё!

На этот раз старший офицер Смоллит первая ступила на чужой корабль. Беспилотники полностью подготовили карту открытых помещений, поэтому шла она бодро, а команда техников, нагруженная инструментами, едва поспевала за ней.

— Дорогой наш микробиолог! — догнав её, произнёс Куттвил. — Благодарю за вчерашний совет.

— Помогло, коллега? — равнодушно поинтересовалась Смоллит.

— Включился сразу! — ответил инженер-бортмеханик. — Но толку пока ноль, принцип абсолютно не понятен.

— Предлагаю поделиться с вами моими обычными шмелями из зоологического цветника, — предложила микробиолог. — Буду на флагмане, захвачу с десяток!

— А на кой ч... виноват, зачем они мне? — начал раздражаться Куттвил.

— Ладно, опущусь с Олимпа и объясню! — снисходительно улыбнулась Смоллит. — При наличии сенсорного экрана, возможно, понадобятся лапки шмелей, соответствующие инопланетным.

Скафандр, к счастью, скрыл резко покрасневшее от досады лицо инженера. Ему было крайне неприятно за свою глупость. Минут пять они шли молча.

Смоллит первая заметила, что двери были точной копией предыдущей «усыпальницы». Их вскрытие прошло быстрее, с учётом опыта, наработанного командой инженера-бортмеханика. И вновь микробиолог зашла первой. Кριοкамера была крохотной, и, как сказала старший офицер Смоллит, рассчитана на двадцать посадочных мест. А ещё она была пуста! Они внимательно осмотрели помещение. Клиенты исчезли! Зато старшие офицеры обнаружили капитанский мостик. Небольшие возвышения и множество гаджетов, подобных найденным ранее. Было слышно, как инженер-бортмеханик Куттвил заскрипел зубами.

— Учите новый язык? — язвительно спросила микробиолог. — Похвально!

Пора было возвращаться. Команда собрала все гаджеты и предметы, которые не были прикреплены намертво, и тронулась в обратный путь. Были слышны звуки других бригад, работающих на демонтаже вооружения и двигателей. Возможно, Куттвилу такая работа была бы больше по душе, но приказ есть приказ. Весь вечер старший офицер Куттвил провёл в баре, страдая от беспомощности. Но он был слишком горд, чтобы признать поражение. Только вперёд! Напротив, микробиолог Смоллит до поздней ночи возилась со своими инопланетными «приятелями», иногда разговаривая с ними. Но со стороны было очевидно — все они были плохими собеседниками.

Им удалось найти беглецов. В небольшой комнате, весьма похожей на офицерскую кают-компанию, за столом находились шмелеподобные существа. Они были в два-три раза крупнее собратьев и держали друг друга лапками. Так они и встретили смерть.

— Ничего не понимаю! — вдруг произнесла старший офицер Смоллит. — Их должно быть двадцать, а тут только десять!

Они опять обошли и осмотрели всё помещение, зашли в соседние. Только десять! Затем им попала огромная, даже по меркам людей, комната, отведённая для хранения продовольствия. Она была пуста до блеска! В ней была организована вытяжка, которая давно не функционировала, и не работающая холодильная установка. В этот день они вернулись раньше планируемого времени. У микробиолога возникла мысль, требующая лабораторного подтверждения. Куттвил вновь посетил бар и там устроил небольшую потасовку. Накопленная отрицательная энергия требовала выхода.

Это было последнее совещание по вопросу инопланетного присутствия. Капитан был нетерпелив, его доклада ожидал командующий лично. В этот раз докладывал старший офицер Куттвил:

— У нас ничего нового! Мы смотрим, изучаем, думаем. Но здравого выхода нет! Есть предложение старшего офицера Смоллит, но это не скоро, только при контакте с флагманом. У меня всё!

— Как всё? — удивился капитан. — Иметь такой дивный синяк на весь глаз и не поделиться с коллегами?

— А я вам, капитан, говорила, что он эгоист! — подыграла Смоллит. — Провести так продуктивно вечер и молчок — не по-товарищески это!

Инженер-бортмеханик Куттвил молчал, опустив голову. Вскоре коллегам это стало неинтересно.

— У меня есть кое-какая информация, капитан! — обратилась к нему микробиолог. — Я изучила новое поступление «шмеликов».

Тут оживился даже пристыженный Куттвил, не говоря уже о начальнике. Смоллит продолжила:

— Судя по размерам особей, мы имеем дело с элитой! У них вдвое-трое больше даже мозг. Таким образом мы нашли помещение криокамер, в котором избранных не оказалось. Вполне возможно, когда энергия корабля стала заканчиваться, особая программа вывела их ото сна для принятия решений. Они долго совещались в кают-компании, но не смогли прийти к нужному решению...

— Позвольте, Смоллит! — прервал старшего офицера капитан. — Давайте только без фантазий!

Микробиолог внимательно посмотрела на капитана:

— В нашей природе обычные шмели могут обходиться без пищи порядка тридцати суток. Возможно, эти, более умные, готовы были терпеть дольше. А когда терпение закончилось, а решение принято не было, они пошли на крайние меры.

Старший офицер Куттвил стал догадываться:

— Так вот почему их десять особей вместо двадцати! Они их съели!

Микробиолог как-то с сожалением взглянула на коллегу:

— Менее достойные отдали себя в пищу более достойным в надежде верного решения высшими. Во спасение!

Капитану было интересно наблюдать за ходом мысли старшего офицера Смоллит.

— По спасению от чего? — задал он наводящий вопрос.

Микробиолог победно глянула на Куттвила и капитана:

— Корабль полностью лишён еды, энергия на исходе, нет родной планеты, и они вынуждены скитаться. Капитан! Они искали пригодную планету, как ищем её мы. Но их планета умерла раньше, и они потратили огромное количество лет в поиске спасения. И не нашли! А значит, у нас неправильный курс. В этом секторе Вселенной условий для жизни нет!

Капитан заворожённо обдумывал сказанное старшим офицером Смоллит:

— Отдать себя в жертву ради возрождения! Великая идея!

Вдруг раздался тихий язвительный голос инженера-бортмеханика Куттвила:

— Капитан! Если вам понадобится когда-нибудь жертва ради возрождения, обратите внимание на старшего офицера Смоллит. При любом раскладе будет повкусней!

— Капитан! Не слушайте его! В трудную минуту мы с вами пообедаем жирноватым Куттвиллом и с новыми силами займёмся возрождением.

Капитан закрыл лицо ладонями, и было непонятно, сердится он, смеётся или тоскует.

Вскоре корабли инопланетян были взорваны, а эскадра направилась к другому сектору Вселенной в поисках нового дома. Поговаривали, что Смоллит с Куттвиллом подружились, но я бы не был столь категоричен на этот счёт.

Подмена

Глава

I

Всегда маскируйте ваши реальные цели, используя как хитрость поддельные цели, которые каждый посчитает само собой разумеющимися, пока реальная цель не будет достигнута.

Андерс Беринг Брейвик

Пожилой, имеющий властные черты лица мужчина, пристально смотрел на старшего офицера космического корабля «Блексвилл», одновременно слушая его доклад. Космолётчик сильно волновался, ведь перед ним стояла поистине живая легенда.

— Господин Питерсон, мы сохранили всё, как и было, зная о вашем визите, — голос докладывающего так и не обрёл требуемую твёрдость. — Касались только образцов, отправленных для исследования.

Рэй Питерсон, прибывающий в титуле статского советника по безопасности космического флота, молча оглядел помещение, оставаясь полностью невозмутимым. Наконец он высказался:

— Но вы хотя бы предварительно можете обрисовать общую картину? И у вас есть имя?

Его тон был спокоен, и именно это способствовало снижению нервного напряжения старшего офицера. Тот уже понял свою оплошность и, вдогонку, решил представиться:

— Старший офицер космического корабля «Блексвилл», класса «Койот», Джим Червик, сэр!

— И что дальше с моей просьбой? — несколько смягчил своё лицо Рэй Питерсон, видя незапланированный страх в лице офицера.

Докладчик громко втянул в себя воздух:

— Сэр, на первый взгляд картина событий следующая. Космический малый корабль МК-7 «Роуз» осуществлял разведку в указанном ему районе. Весь экипаж находился в криокамерах, и только дежурный пилот Ричард Джонсон пребывал на вахте. Контроль полёта и все поставленные задачи выполнялись ИР-616 — интеллектуальным разумом шестисот шестидцатой модели, весьма эффективной и надёжной программой. Двадцать четвёртого июня 2065 года, ровно три года и три месяца назад, произошла авария. Небольшой астероид на встречном курсе протаранил космический МК-7. Удар пришёлся вскользь, но при этом произошла разгерметизация отсеков, расположенных по левому борту космического судна. К сожалению, сам малый корабль был старой конструкции, и криокамеры находились только по левому борту. Весь экипаж погиб — кроме пилота Ричарда Джонсона. Сам он получил значительную травму головы и потерял сознание. Уже без него ИР-616 самостоятельно отключил повреждённые отсеки и перенаправил энергию на управляемость кораблём и жизнеобеспечение отсека с уцелевшим пилотом.

— И что говорит сам пилот? — о чём-то задумавшись, спросил советник по безопасности.

Джим Червик быстро перевёл дыхание. Страх перед «живой легендой» улетучился:

— В этом и есть непонятный момент, сэр! Пострадавший пилот Джонсон ничего не помнит.

— Но у него есть хоть какие мысли на этот счёт? — заинтересовался Рэй Питерсон.

— Никак нет, сэр! — быстро ответил старший офицер. — В том-то и дело, что Ричард Джонсон не помнил ни кто он, ни где пребывал. Им забыта вся информация, существовавшая в голове до аварии и прихода в сознание.

— Это как так? — удивился советник. — Но хоть имя своё и должность он помнит?

Докладчик наконец справился со своим волнением:

— Его должность, имя и фамилию произносил ИР-616, сэр. Повтор одних и тех же фраз позволил ему это понять и запомнить.

— И как он жил эти три года, офицер? — мрачно спросил Рэй Питерсон.

— С едой и водой у него проблем не было, сэр. В остальном, сэр, он слегка... помешался.

— И в чём это выражалось? — недоверчиво обратился к старшему офицеру статский советник по безопасности.

Офицер смутился:

— Он подружился с крысой и стал подкармливать её!

— С кем? — Питерсон решил, что ему послышалось.

— С грызуном, сэр! С серой большой крысой!

— Как вы об этом узнали? — быстро спросил советник.

— Он вёл журнал, сэр! По типу бортового. Где и описывал эти встречи.

Действительный статский советник Рэй Питерсон задумался. Он привычно мял пальцы правой руки, как заядлый курильщик, коим и был в прошлом.

— Вы нашли эту крысу? — спросил он, глянув на переносицу старшего офицера.

— Её не было, сэр! Во всяком случае мы её не нашли и даже не обнаружили следов присутствия.

Рэй Питерсон решил остаться в помещении один, но перед этим уточнил:

— В чём вы, офицер, видите нестыковки происшедшего?

Джим Червик на минуту задумался:

— Первая нестыковка — это астероид, сэр! ИР-616 должен был его обнаружить заранее и выполнить манёвр уклонения. Вторая — отбитая память пилота и, вместе с тем, грамотные записи в журнале. Мне показалось это странным. И третья нестыковка — подробное описание взаимоотношений с крысой при её полном отсутствии, сэр!

Советник внимательно глянул вглубь помещения, как будто узрев там правильные ответы:

— Завтра мне нужны: эксперты-бортинженеры, психологи-психиатры, лечащий врач пилота, заключение по функционированию ИР-616 и опытный ратолог — специалист по крысам. А сейчас оставьте меня.

Оставшись один, советник Рэй Питерсон прошёлся по помещению. Свет был довольно ярким и освещал все дальние углы. В одном из них он заметил разбросанные в беспорядке кусочки хлеба, высохшего от времени. Затем он вернулся к столу и стал знакомиться с записями в дневнике Ричарда Джонсона. У пилота был красивый размашистый почерк, отсутствовали ошибки в грамматике. Питерсон забрал журнал с собой и направился в выделенную ему каюту.

После того как стюард принёс советнику обед, Питерсон решил переговорить со своим старым другом, капитаном Дерреком, с которым его связывали дальние родственные отношения и взаимное уважение.

— Рад вас слышать, капитан, — начал советник. — Как настроение?

— Вроде неплохое, — осторожно ответил собеседник, — но ведь это не главная причина звонка, Питерсон?

— Вы на редкость прозорливы, друг мой! — улыбнулся статский советник по безопасности. — Мне срочно нужны ваши шалопаи — старший офицер Смоллит и бортмеханик Куттвил. Надеюсь, они ещё не прибили друг друга?

— Представьте себе, что нет! — рассмеялся капитан Деррек. — Надолго?

Советник Питерсон задумался:

— Думаю, это займёт недели две, не больше. Если что — пролонгируем!

— Понял! Конец связи.

Пилот Ричард Джонсон пришёл в сознание. Первое, что он увидел, была улыбка симпатичной медсестры.

— Добрый день, Ричард! — сказала она. — Вы были введены в длительный лечебный сон, пока специалисты проверяли все ваши жизненные показатели — таков протокол.

— Где я? — спросил пилот тихим голосом.

— Вы находитесь в лечебном блоке интенсивной терапии на флагмане космического флота «Герри Осборн».

— И когда меня выпустят на свободу? — улыбнулся в ответ Ричард Джонсон.

— Полагаю, что это будет скоро! — заявила медсестра. — Консилиум врачей как раз общается по вашу душу.

— Извините, а где моя Квинка Герц? — забеспокоился пилот.

— Кто это? — наморщила носик девушка.

— Моя крыска, сударыня! — резко встревожился Ричард. — Серенькая, с лысым хвостиком.

— Вы поступили сюда один, сэр! — взволнованно ответила медсестра, понимая, что допустила ошибку.

На истошный крик в палате интенсивной терапии прибежали два медбрата и дежурный врач. Пациенту укололи успокоительное, затем насильно зафиксировали его положение в кровати специальными ремнями и уже внутривенно ввели дозу снотворного, вновь погрузив пилота Ричарда Джонсона в глубокий лечебный сон.

Глава II

Люди не являются узниками судьбы, они - узники своего разума.

Франклин Делано Рузвельт

День первый.

Весьма возможно, что этот день имеет определённую дату, включающую день, месяц и даже год. Но так как я ничего этого не помню, то и вариантов, разумеется, немного: либо «новый», либо «первый»! Но при втором варианте возможна последовательность, которая начисто отсутствует в первом. Тем более что последовательность неизбежна, насколько могу судить.

Итак, всё началось с того, что я очнулся в этом помещении с полностью разбитой головой. «Полнота разбития» заключалась в наличии крови и гематом по всей её поверхности. Голова болела ужасно, к тому же кто-то методично повторял одни и те же фразы. Полная неразбериха и внутри меня, и снаружи. К счастью, в помещении располагался санитарный узел с приличной кабиной душа и унитазом. И был свет!

Я привёл себя в порядок, после чего принялся обследовать свою территорию. Иногда покрикивал в надежде, что меня услышат и помогут. Но все люки были закрыты, и тишина царила кругом. Ну, кроме голосовых сообщений тётки, которая всё время повторяла одно и то же. Так я узнал своё имя и должность...

Статский советник по безопасности космического флота Рэй Питерсон отложил в сторону журнал дежурного пилота Ричарда Джонсона и, немного подумав, стал собираться на запланированную встречу со специалистами. Пока картина не складывалась, и он гнал от себя любые предположения. Такой подход был выработан им ещё в молодости, в бытность следователя по особо важным делам, и он придерживался его всегда. Вначале — все исходные данные, и только затем уже предположения, основанные на мотивах и возможностях. Дневник пилота он оставил у себя на столе.

В малом зале заседаний была собрана элита цивилизации — учёные и специалисты разных направлений деятельности. Профессор-биолог, специализирующийся на грызунах, с беспокойством поглядывал на молодых парней в униформе космических инженеров. Рядом с ними он узнал профессора психологии и ещё одного, о котором ему говорили как об опытном

психиатре. Их всех уже ввели в курс события, но не поставили конкретных задач. Вошедший последним мужчина сел на главное место в президиуме и с важным видом огляделся вокруг. Он не был знаком с присутствующими, но считал это вполне допустимым:

— Уважаемые коллеги! Первым делом разрешите представиться. Я — Рэй Питерсон, статский советник по безопасности космического флота. Причина, по которой вас собрали, таких разношёрстных, вы уж извините за мою манеру выражаться, надеюсь, понятна?

— Не совсем так, советник! — уважительно обратился психиатр, которому приписывалась опытность в профессии.

Рэй Питерсон хмыкнул:

— Попробую коротко обрисовать ситуацию, одновременно ставя задачи. Не возражаете?

В ответ на молчание советник продолжил:

— Итак, три года назад космический малый корабль МК-7 «Роуз» столкнулся с небольшим астероидом. ИР-616 — интеллектуальный разум, управляющий кораблём, должен был выполнить манёвр уклонения, но по какой-то причине не сделал этого. Кто у нас электронщики-системщики?

Поднялись четыре специалиста разного возраста и цвета униформы.

— Ваша задача — найти причину отказа! — сухо приказал Питерсон. — Заодно и выполнить оценку дальнейших действий искусственного разума.

Советник вновь начал описывать событие:

— Удар астероида пришёлся на левый борт судна вскользь, что привело к разгерметизации некоторых отсеков и гибели экипажа. Где у нас космические бортинженеры?

Поднялись двое специалистов в одинаковой униформе флагманского космического корабля «Герри Осборн».

— Ваша задача — скрупулёзно обследовать обшивку малого корабля МК-7 «Роуз». Повторяю — всю! Не только повреждённого левого борта. Протоколировать все повреждения, их характер и причины. Анализировать соскобы внешней обшивки. Вам всё ясно?

Инженеры были настоящими профессионалами, поэтому только кивнули в ответ.

Статский советник по безопасности внимательно глянул на остальных:

— При столкновении выжил лишь дежурный пилот Ричард Джонсон, пребывавший на вахте. Но у него от удара головой повредился разум. Где лечащий врач Джонсона?

Встал пожилой мужчина и от волнения махнул рукой.

— Выполните полный анализ медицинской истории Ричарда Джонсона: болезни, прививки, осложнения, жалобы, результаты обследований, заключения профильных врачей. Понятно?

— Так точно! — чётко ответил лечащий врач, человек совершенно не военный. — Сделаю!

Рэй Питерсон позволил себе улыбнуться:

— И последнее. В результате удара головой Ричард Джонсон потерял память и только недавно узнал, что он пилот. Сохранилась личность, а память — нет! Более того, Ричард подружился с крысой, присутствие которой нами на сегодняшний день не обнаружено. В связи с чем, господа психологи и психиатры, прошу провести с пациентом аккуратную и ненавязчивую работу. Вчера, узнав, что рядом с ним нет приятеля-крысы, пилот Джонсон впал в истерику, и его смогли с трудом успокоить, введя в принудительный сон. Вам задача ясна?

Профессор психологии и талантливый психиатр согласно кивнули. Для них это была рутинная работа и ничего необычного.

Но советнику было что ещё сказать:

— Среди нас присутствует специалист по грызунам. Не удивляйтесь! Моя должность советника по безопасности космического флота предписывает на начальном этапе подозревать самое худшее, а именно угрозу безопасности. Любую, от кого бы она ни исходила. Поэтому

сей специалист должен полностью обследовать помещение, где на три года был заточён пилот Ричард Джонсон, и ответить на простой вопрос: «А была ли крыса?». Срок вам всем — три дня, после чего встречаемся тут же. Материалы заранее присылаете мне. Приступаем к работе!

День второй.

Я продолжаю отражать пройденные дни. Или сутки? Впрочем, это риторический вопрос, так как само время суток мне не известно. Да и в тексте иногда дни приравнивают к двадцати четырём часам, чтобы не возиться с обозначением вечера и ночи. И утра! Женский голос несколько притих, а мои ответы его не удовлетворили, хоть я и отвечал искренне. Оказалось, что здесь ещё и кормят! В определённое время раздаётся громкий щелчок, и в небольшом окошке появляется разнос с едой. Если это тюрьма, то весьма образцового содержания. Поев, мне удалось обнаружить небольшой отвод, выполненный из трубы, куда можно положить согнутую в трубку одноразовую посуду. Весьма удобно! Сегодня мне была предложена каша с кусочками мяса и салат из листьев... неизвестного растения. Довольно вкусно! И хлеб белый-белый, и чай. Я чист, сыт и... недоволен жизнью. Где же я? Одну минуту, у нас вновь раздался щелчок кормушки (вот и новое название устройства!). Пожалуй, я продолжу позже...

Статский советник по безопасности космического флота Рэй Питерсон прервал чтение. Всё выглядело вполне естественно для человека, у которого после травмы отбило память. Но умение грамотно писать сохранилось. Это Питерсона не удивляло. Перед смертью его старенькая матушка выжила из ума и представляла, что живёт в замке, принадлежавшем невестке. Об этом она довольно красочно писала в письмах всем родственникам, помня их адреса. Ещё тогда советник был поражён, что сохранён стиль повествования у женщины, которая регулярно путала туалет со спальней.

В коротком сообщении Рэй Питерсон узнал, что старший офицер Смоллит и бортмеханик Куттвил прибудут на корабль в первой половине дня. Это вписывалось в общую канву срока расследования и его полностью устраивало. Они были весьма нужны советнику.

Глава

III

Если вы измените свой взгляд на вещи, вы измените и то, на что вы смотрите.

Уэйн Дайер

День пятый.

Начинаю привыкать к своему положению затворника. Самое плохое – отсутствие информации. Любой! На разные темы! По любому поводу! Вот, к примеру: чета Роджерс сообщила о появлении первенца. И фото. Или можно так: собравшиеся выразили свою солидарность Дейву Коллинзу, обвинившему их казначея в растрате части выделенных общине средств. Можно и потрагичнее: сегодня в полдень состоялся обряд погребения безвременно скончавшейся Скарлет – той-терьера, коричневой масти. С прощальной речью выступили ближайшие родственники усопшей. Впрямь слезу вышибает! Но это лучше, чем полное отсутствие новостей. Я понимаю, что их не может не быть. Просто они проходят мимо меня. И это бесит! Если бы не кормушка – обратился бы с жалобой!

Статский советник по безопасности космического флота Рэй Питерсон задумался. У пилота Ричарда Джонсона действительно в голове происходят удивительные, где намешано-перемешано. «Каша» – так называла подобное состояние его матушка. Он закрыл дневник пилота, извлёк из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку. Несколько мыслей, возникших во время чтения, были занесены короткими записями.

Рэй Питерсон не любил общество, поэтому избегал посиделок в кают-компаниях. Еду ему приносили в его каюту, что его полностью устраивало, так как не отвлекало от мыслительных процессов. Стюарт установил разнос на столе и, кивнув, удалился. Разнос был выполнен

из мягкого пластика, который при желании можно свернуть в трубку. С тарелками – та же история. Удобно! Советник принялся за еду, продолжая думать.

Старший офицер Смоллит и офицер Куттвил были размещены в отдельные каюты, впрочем, находящиеся рядом друг с другом. Это вызвало неудовольствие Смоллит и колкую усмешку коллеги. Они молча разошлись по своим новым «квартиркам», готовясь к встрече с советником.

Старший офицер Смоллит была микробиологом и классным химиком одновременно. Так уж случилось, что родители требовали от дочери продолжения их пути, а сама девочка с детских лет бредила химией. И если по микробиологии она имела докторскую степень, то по химии была «для галочки» магистром, фактически далеко обогнав своей подготовкой коллег. Офицеру Куттвилу предрекали карьеру великого учёного, специалиста космической инженерии, но тот с детства бредил полётами, куда и подался, получив дополнительно специальность инженера-бортмеханика. На корабле они и встретились, но сразу не понравились друг другу, хотя и отдавали дань уважения специфическим знаниям. Смоллит была на полголовы выше Куттвила, симпатична, обладала прекрасным чувством юмора, иногда уходящего в сторону язвительного унижения. Напротив, инженер-бортмеханик выглядел полненьким грубоватым простаком, что полностью не соответствовало его внутреннему наполнению. Но, на удивление, их совместная работа приводила к прекрасным результатам, благодаря чему капитану корабля завидовали все коллеги космического флота. А начальство, к тому же, пользовалось ими при решении своих задач.

– Советник, вы нас вызывали? – нарочито грубовато обратилась к Рэю Питерсону старший офицер Смоллит.

Куттвил ограничился лишь предварительным стуком, пропуская микробиолога вперёд. Статский советник по безопасности космического флота не ответил гневом на дерзость. Он был выше этого, тем более что их совместная плодотворная работа давала повод быть несколько фамильярнее.

– Проходите, давно вас жду! – буркнул Рэй Питерсон, протягивая вместо приветствия копию дневника пилота Ричарда Джонсона. – Ознакомьтесь и составьте мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.